

РАЗДЕЛ 2. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

CHAPTER 2. THE DEVELOPMENT OF A MODERN CITY AND THE TRANSFORMATION OF URBAN SPACES

УДК 316.48

И. А. Скалабан

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТАХ. СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ¹

Рассматриваются современное состояние и перспективы исследования городских конфликтов. Опираясь на постмодернистские теоретико-методологические подходы (пространственный, мобилизационный, прагматический) к осмыслению городских изменений доказываем, что они вызывают специфические типы локальных городских конфликтов, и источником является стремление части горожан к защите от вмешательства и изменений. В качестве перспективного концепта для анализа предлагается использовать концепт «оборонительное сообщество».

Ключевые слова: городской конфликт, субъект конфликта, местное сообщество, конфликтное сообщество, оборонительное сообщество.

I. A. Skalaban

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

DEFENSIVE COMMUNITIES IN URBAN CONFLICTS. FORMATION OF THE CONCEPT

The article explores the current state and prospects of research of urban conflicts. Based on postmodern theoretical and methodological approaches (spatial, mobilization, pragmatic) to the understanding of urban changes, the article proves that they also cause specific types of local urban conflicts. Their source is the desire of some of the townspeople to protect themselves from interference and change. It is proposed to use the concept of “defensive community” as a promising concept for their analysis.

Keywords: urban conflict, subject of the conflict, local community, conflict community, defensive community.

Интенсификация социальных изменений, трансформация текущих социальных практик влечет за собой и трансформацию исследовательских программ их анализа, что в социальных и гуманитарных науках начиная с середины прошлого столетия принято обозначать через метафору «поворот». Риторика поворотов сегодня активно используется в ходе научных дискуссий по многочисленным аспектам социально-гуманитарного

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах» (РГНФ № 20-411-540003).

знания¹ и фокусирует внимание на методологических изменениях в подходах к осмыслению социального мира, отдельных его аспектов, создает новые дискурсивные пространства. В последние два десятилетия новые и популярные концептуальные конструкции описания и анализа текущих процессов и явлений определяются, как визуальный (visual turn – Р. Барт, Ж. Делёз, В. Берджин), пространственный (spatial turn – А. Лефевр, М. Фуко, Д. Харви, Э. Сояя (Зойя), прагматический (practice turn – Л. Болтански, Л. Тевено), мобильный (mobility turn – Дж. Урри) повороты.

Не смотря на различия в исследовательских фокусах, именно город был и остается тем объектом, на эмпирическом материале которого научные концепции, рожденные в рамках выше указанных «поворотов», чаще всего и верифицируют свои теоретические конструкты. Предметом анализа становятся городские изменения: от демографических сдвигов, маргинализации и упадка городов до процессов реноваций, джентрификации, трансформации городской локальности и идентичности под влиянием миграционной и демографической мобильности, изменений характера сетевых отношений, пространств жизни, в частности, соседства и т. д. Широта трансформаций выводит на передний план необходимость анализа специфики вовлечения, участия и проявлений различных видов сопротивления изменениям самих горожан, в том числе через ограничение доступности в «свои» освоенные пространства, закрытие социальных и территориальных пространств или, наоборот, через публичное манифестирование локальных или городских конфликтов.

Городские конфликты многообразны, могут носить одиночный или массовый характер, но наиболее резонансные из них, сохраняя городскую повестку, становятся инструментом влияния на общественные настроения далеко за пределами города. Могут вызывать и вызывают правовые и структурные изменения федерального уровня. К числу наиболее резонансных городских конфликтов последнего десятилетия можно отнести конфликты вокруг строительства храма в сквере у театра драмы (Екатеринбург), закрытия оперы «Тангейзер» (Новосибирск), реновации жилых пространств (Москва), антимусорные протесты (Подмосковье, Шиес). Примечательно, что их участниками и инициаторами все чаще выступают не организованные политические и общественные структуры, а спонтанные группы или сообщества жителей, которые отстаивают свои интересы в противодействии с капиталом или органами власти за право сохранять привычный уклад жизни, за право доступа к городским и природным ресурсам.

Не случайно именно в последнее десятилетие обозначился рост интереса к исследованию городских конфликтов в российском исследовательском поле, где до этого подобные исследования носили скорее единичный характер². Характерная особенность современной исследовательской практики: многообразие дисциплинарных подходов к анализу городского конфликта. Он исследуется социологами [1; 2], политологами [3; 4], юристами [5] и пр.

Оттолкнемся от определения городского конфликта, которое принадлежит И. Р. Медведеву. Он определяет его как «...столкновение интересов «пользователей города» по поводу городского пространства, получившего внешнее выражение» [5, с. 7]. То есть городские конфликты всегда происходят в социальном, территориальном пространстве города, по поводу городской повестки и их основные субъекты являются горожанами или связаны с городом.

¹ К примеру, Дж. Сторм в своей последней работе «Метамодернизм. Будущее теории» (2021) критически комментируя постмодернистский скептицизм перечислил порядка тридцати различных видов «поворотов», которые были декларированы со времен первого из них – лингвистического поворота 1950-60 гг.

² Тем не менее нельзя не отметить роль в становлении традиции анализа городских конфликтов через призму анализа городских сообществ исследовательской группы Т. М. Дридзе. Она обратилась к исследованию проблемы еще в конце 90-х гг.. И в последующие десятилетия ее школа сохраняла активность. К примеру, одна из первых работ: Акимкин Е М, Дридзе Т М, Цой Л. Н. Опыт согласования интересов конфликтующих сторон // Россия трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. – М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 576-589.

Заметим, что далеко не все конфликты, разворачивающиеся в городах, могут претендовать на статус городского конфликта. Город – это еще и пространство многообразных внутригрупповых и межгрупповых конфликтов, реализуемых в пространстве частных хозяйственных отношений или на границе между частным и публичным: соседские конфликты, конфликты ТСЖ и жильцов с управляющими компаниями, конфликты молодежных группировок, организованных, к примеру, по территориальному или субкультурному признаку, внутридиспоральных и междиспоральных конфликтов и т. д. Они могут оставаться за пределами публичного пространства в случае, если в их протекание не вовлечены публичные институты и они не реализуются в публичной сфере социальной жизни, которая по мнению Ю. Хабермаса соответствует ряду признаков: имеет институциональную природу, обсуждаемые вопросы и принимаемые решения формулируются как общезначимые и по поводу них формируется общественное мнение.

Как объект исследования городские конфликты в отличие о микро или макроуровней обладают определенной уникальностью, так как являются своеобразным перекрестком разных социальных пространств городской повседневности: приватной (личной), публичной (общественной), со свойственной им социально-территориальной локализацией проблем, ориентации на достижение практического результата, определенной персонализацией взаимодействий, устойчивыми статусами, режимами оправдания и публичности. Выше этого уровня – конфликты социальных групп и институций, ниже частные конфликты, разворачивающиеся преимущественно вне публичного пространства и, как следствие, существенно меньше влияющие на текущие городские процессы. Хотя в определенных ситуациях, из предмет может быть переформулирован из частной, к примеру, соседской повестки, в публичную.

Важно учитывать, что городские конфликты, за редким исключением, не представляют собой общегородские конфликты. Чаще всего это конфликты городских локальностей, объединенных по разным основаниям.

В общем приближении субъектами формирования городских локальностей в условиях конфликта могут выступать сообщества разного типа. Воспользовавшись типологией сообществ П. Уиллмотта [6] их можно отнести к трем типам. К территориальным – пространствами и субъектами в этом случае выступают те или иные конфигурации сообществ места. Например, жители одного жилого комплекса или микрорайона, территории расположенной по близости от объекта, ставшего источником конфликта. *Интересов* – локальности, состоящие из участников – носителей общих интересов (сообщества интересов) объединенных общим вниманием к какой-то значимой для них городской проблеме. Например, представители профессиональных групп (архитекторы, краеведы или экологи) и разделяющие интерес иные неравнодушные граждане, выступающие в защиту культурного памятника, парка или бора. Наконец субъекты, объединенные по признакам общей идентификации (привязанности) – религиозной, этнокультурной, субкультурной и т. д. (сообщества союза). В конфликтах это может проявляться в противостоянии между «местными» и представителями цыганской общины, религиозной группы и т. д. Однако следует согласиться с мнением Е. В. Тыкановой и А. М. Хохловой, справедливо отметившими, что признак общности интересов и форм поведения перестает быть релевантным, когда объектом исследования становятся крупные, внутренне гетерогенные сообщества и особенно воображаемые сообщества, члены которых не обязательно включены во взаимодействия лицом к лицу [1]. В таком случае мы имеем дело со смешанным типом сообществ. Участие в них носит избирательный характер, они формируются вокруг проблемы, значимость и необходимость участия в разрешении или хотя бы привлечения внимания к которой разделяют участники.

Многообразие и сложность формирования конфликтных сообществ актуализирует поиск новых подходов к осмыслению конфликтов в permanently изменяющемся городе. И в этом отношении применение потенциала концепций, составивших основу указан-

ных выше теоретико-методологических «поворотов», сформировавшихся в логике постмодернистской традиции к анализу городских процессов, выглядит перспективным.

Широкие теоретические рамки анализа здесь может задавать постмодернистская традиция Лос-Анжелеской школы анализа городских изменений, пришедшая на смену модернистскому экологическому подходу Чикагской школы Парка-Берджесса. Её сторонники задались вопросом, правильно ли рассматривать город как единое целое, организованное определенной логикой роста, предлагая гораздо менее последовательную картину – такую, которая рассматривает город как пространство неоднородности, разобщенности, глобальной реструктуризации и конкурирующих жизней и воображений [7–11]. Это само по себе делает конфликт естественной частью городских изменений конкретных локальностей. В этих условиях источниками конфликтов становятся изменения, происходящие в социальном и физическом пространстве города. К примеру, нарастание мобильности, осуществляемой в том числе через инструменты принуждения ведет к пересмотру границ, разрушению устойчивых связей и идентификаций, актуализируя и процессы пространственной контрмобильности, иммобильности, блокирования, закрытия границ [12].

Исходя из вышесказанного, существует потребность в эмпирическом описании особого типа городских конфликтов – конфликтов, инициированных с целью защиты и противодействия изменениям. Их удельный вес в городской повестке, разворачивающейся с участием групп общественности, сформированным по территориальному признаку или объединенных общим интересом и манифестированных в публичном пространстве города сегодня превалирует над иными видами городских конфликтов. Это конфликты сопротивления точечной застройки, расположения мусорных полигонов или опасных предприятий, появления на территории новой транспортной инфраструктуры (трасс, мостов и др.), защиты парков, лесов, памятников культуры либо объектов, которые участники сопротивления рассматривают как таковые. В случае, когда субъекты и инициаторы конфликтов – это представители местных сообществ, которые сопротивляются инициируемым изменениям, выход в публичное пространство становится ресурсом для его участников. Дополнительным фактором формирования таких конфликтных сообществ стало развитие цифровых технологий и виртуальных социальных сетей, что создало эффективные инструменты мобилизации, изменило механизмы, скорость формирования включенных в конфликты сообществ, масштаб их репрезентации в публичном пространстве.

Традиция исследований, в которых локальная городская субъектность формируется вокруг сопротивления и защиты изменениям в зарубежной социологии насчитывает много десятилетий. Впервые проблема стала предметом изучения в США в 60-гг. в процессе анализа проблем расовых отношений, в том числе, на уровне отдельных сообществ. В начале 1970-х эта концепция окончательно оформилась в концепцию оборонительных (защищенных) районов и оборонительных сообществ. Под влиянием коммунитаристского подхода А. Этzioni, впервые указавшего на высокий потенциал локальных сообществ к мобилизации [13; 14], в США в начале 70-х гг. Геральд Саттлс предложил концепцию оборонительного соседства (*defended neighborhood*) и ввел категорию «оборонительное сообщество» (*defended community*) [15; 16]. Суть ее заключалась в том, что при угрозе вторжения или изменений извне жители некоторых районов будут реагировать территориально и работать, чтобы защитить границы своих сообществ от наследования или нежелательного влияния. Он акцентировал внимание в большей степени на межкультурных, межрасовых аспектах предложенной концепции.

В ходе эмпирических исследований он отметил следующую закономерность: усиление оборонительных функций местного сообщества происходит в случае, если его члены осознают возможность угрозы идентичности (к примеру, «расового вторжения») со стороны соседнего сообщества. При этом исследователь отмечал, что реализация оборонительной функции скорее свойственна сообществу, осознающему себя социально и

экономически стабильным и готовым защищать возможность поддержания желаемых условий. Её сторонники отмечали, что оборонительный характер может проявлять себя не только через открытое противостояние (вступающее в конфликт оборонительное сообщество), но и через усиление границ; социальную, расовую, этническую изоляцию от социальных аутсайдеров; поддержание общественной безопасности преимущественно через нормы неформального общественного контроля, в крайних своих проявлениях, доходящих до создания климата, оправдывающего преступления на почве ненависти [17, с. 825]. Так возник феномен защищенного района – это «жилой социальной системы, которая отгораживается от других территорий и нерезидентов с помощью социальных или физических механизмов» [18, с. 87] в качестве защиты от миграции этнических «других» по соседству в попытке сохранить общую идентичность и образ жизни в своем сообществе.

Начиная с 80-х гг. прошлого столетия анализ функции защиты (обороны) интересов локального сообщества или отдельных групп его составляющих, осуществляется социологами и урбанистами в двух теоретических традициях, каждая из которых обладает эвристическим потенциалом для анализа напряжений и конфликтов, вызванных угрозой изменений в сообществах. При этом, если одна из них вышла из академических социологических работ, то вторая из практик городского планирования.

Первая концепция, уже отмеченная выше, – это концепция оборонительного соседства. Вторая концепция, хотя и оформилась в американской социологии в 80-е гг., вышла из осмысления практик сопротивления угрозам вторжения в сообщество потенциально опасных объектов (к примеру, атомных электростанций) специалистами в сфере планирования 70-х. Речь идет о концепции NIMBY [19]. И хотя ее авторы не используют «оборонительные» категории, однако рассматривают позицию «not in my backyard» как сопротивление отдельных индивидов, групп и спонтанно формируемых сообществ местному гражданскому проекту, воспринимаемому как угрозу или источник понижения цены своей недвижимости, при общей приемлемости и одобримости ими подобных проектов в других местах. Последнее обстоятельство и делает эти концепты различными.

Ориентированные на противодействие изменениям среды, осуществляемым не в интересах местных жителей, обе концепции стали значимым инструментом для осмысления противоречивости защиты конфликтными сообществами значимых для них ценностей, норм и объектов и могут применяться не только в сфере межрасовых отношений.

По мнению современных американских исследователей, изучение расовых и этнических отношений в американских кварталах 1960–1970 гг., возможно, чрезмерно полагалось на предположение о том, как расовые и этнические сдвиги служат предвестником жилой и экономической нестабильности в микрорайонах – предположение, которое противоречит современной реальности увеличения числа стабильно расово разнообразных кварталов в разных районах США. Первоначально декларируемая как типология дискретных кварталов Г. Саттлса, сегодня «защищенность» более уместно концептуализировать как характеристику районов и сообществ, которая меняется в ответ на изменения демографических и структурных условий. Сегодня оборонительные сообщества интерпретируются как набор процессов, с помощью которых жители ищут и создают стабильность посредством поддержания желаемых условий и предотвращения нежелательных изменений [20].

Западные исследователи сосредоточились на изучении скорее оборонительных сообществ – NIMBY-сообществ, в то время как фокус внимания российской науки более сосредоточен на различных типах городских конфликтов, практиках конфликтования, а не специфике их участников. Между тем расширение протестной повестки, массовый рост и драматургия конфликтов в локальных сообществах крупных городов и мегаполисов показывает, что активность самоорганизующихся групп жителей – субъектов конфликта готовых к защите от изменений или вмешательству, может выходить за рамки одного конфликта и становиться мобилизационным ресурсом и движущей силой иных

конфликтов, а также новых практик гражданского партнерства и активизма в социально или территориально близком пространстве.

Обращение к концепту оборонительных сообществ в России особенно перспективно, что позволяет описать сообщества, которые сегодня становятся неконтролируемыми и непрогнозируемыми субъектами или ресурсами для других субъектов конфликта на политической сцене города. Неясны их мобилизационные механизмы, факторы устойчивости, векторы развития, вероятность сохранения сформировавшихся сообществ после завершения конфликта и сценарии их трансформации на постконфликтном этапе. Это влечет за собой неопределенность в выборе стратегий управленческого воздействия со стороны органов местной власти. Без понимания механизмов и инструментов формирования этих сообществ невозможно прогнозировать их развитие и эволюцию, нельзя гарантировать, что эти сообщества не будут использованы в целях распространения экстремистской идеологии и политики.

Литература

1. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.
2. Тыканова Е. В. Уровни участия локальных активистов в борьбе за городское пространство // Город. Среда. Политика. 2018 : сб. материалов науч.-практ. конф. / под ред. Л. А. Гайнутдиновой и М. В. Невзорова. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 37–42.
3. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. [Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса)] // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 4. С. 44–65.
4. Кольба А. И., Соколов А. В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. 2016. № 4. С. 234–252.
5. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов. М. : Инфотропик Медиа, 2017.
6. Willmott P. Community Initiatives. Patterns and prospects. London : Policy Studies Institute. 1989.
7. Soja E. W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. New York : Verso, 1989.
8. Соя (Соджа) Э. У. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6(40). С. 133–150.
9. Dear M. The Postmodern Urban Condition. Oxford : Blackwell Publishers. 2000.
10. Garreau J. Edge City: Life on the New Frontier. New York : Anchor Books. 1991.
11. Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space / ed. Sorkin M. New York : Hill and Wang, 1992.
12. Веселкова Н. В. Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 3. С. 55–66.
13. Etzioni A. The active society. New York : Free Press, 1968. 504 p.
14. Etzioni A. Mobilization as a macrosociological conception // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19, N 3. P. 243–253.
15. Suttles G. The Social Construction of Communities. Chicago : University of Chicago Press, 1972.
16. Suttles G. The Defended Community // The Social Construction of Communities / ed. G. D. Suttles, Chicago : University of Chicago Press, 1972. P. 21–43.
17. Lyons C. Community (Dis) Organization and Racially Motivated Crime // American Journal of Sociology. 2007. Vol. 113, N 3. P. 815–863.
18. Schwirian, Kent P. Models of Neighborhood Change // Annual Review of Sociology 1983. Vol. 9. P. 83–102.
19. Borell K., Westermark Å. Siting of human services facilities and the not in my back yard phenomenon: a critical research review // Community Development Journal. 2018. Vol. 53, Issue 2. P. 246–262.
20. Kadowaki J. The Contemporary Defended Neighborhood: Maintaining Stability and Diversity Through Processes of Community Defense // City & Community. 2019. Vol. 18, N 4. P. 1220–1239.